

Дар хореографического остроумия Дмитрию Брянцеву — 50

Дмитрий Брянцев обладает редким даром хореографического остроумия. Пищу для него он находит в языке хореографической классики, которым хорошо владеет. В знаменитом телебалете «Галатей» ему удается «вывернуть наизнанку», исказить, нарушить все каноны и правила и при этом сохранить вкус, заставить восхищаться неожиданными несообразностями своих танцевальных шуток, дерзостью хореографических «мо», блеском пластических парадоксов. Его находчивость в этой области почти беспримерна. Юмором искрятся его композиции, комбинации и построения в таких сочинениях, как «Старое танго», «Усарская баллада», «Конек-Горбунок», «Браво, Фигаро!», в миниатюрах «Трудный характер», «Старая фотография» и других.

Но речь идет не только о юморе, о комедийных опусах. В балете «Призрачный бал» Брянцев в таинственной пластической светотени передает ощущение зыбкого романтического воспоминания или такой же зыбкой романтической мечты. Возникает волшебный танцевальный мираж, на сцене проплывает череда облачных воздушных видений, «летучая гряда» облаков, словно клочки белеющего тумана. Но в этой облачности, в этих туманностях ощущается точная и опять-таки остроумная, даже хитроумная конструкция, система искусных поддержек, ловких и отто-

го незаметных переходов от одного положения к другому.

Многие композиции Брянцева пронизаны ясно ощущимой чувственностью. Сексуальная «агрессия» его Петруччио, вооруженного огромным бичом, кажется грубоватой, но в большинстве случаев особый чувственный мужской скепсис балетмейстера, его ироническое мужское превосходство оказываются весьма обаятельными, подчас сочетаясь, как это и бывает у настоящих мужчин, с романтической нежностью и бережно-

стью.

В миниатюре «Пробуждение чувств» поэтизированы насковзь чувственные прикосновения, еще робкие, беглые, несмелые, но уже тающие в себе жажду страстных объятий и ласк. Надо сказать, что Брянцев — мастер хореографической миниатюры, лаконизм его некоторых танцевальных фраз напоминает сжатость подлинно остроумных танцевальных афоризмов.

Тем досаднее, когда остроумие изменяет балетмейстеру и возникают длинноты (в «Отелло», в «Укрощении строптивой»), просто противоположные природе его таланта, сестрой которого действительно является краткость. Я надеюсь, что на этот раз юмор не изменит Дмитрию Александровичу и он простит мне это замечание, продиктованное искренним уважением к его творчеству.

Борис ЛЬВОВ-АНОХИН

Вит. Москва. - 1997. - 18 февр. - 6, 5.